

© 2002 г.

Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I /
Отв. ред. Д.В. Журавлев. (Труды ГИМ. 102). М., 1998. 128 с., илл.

Сборник трудов состоит из предисловия и одиннадцати статей десяти авторов, изданных на русском языке, но снабженных резюме различного объема (от нескольких строк до половины страницы) на английском языке. Сборник открывают три наиболее развернутых статьи, в которых история изучения вопроса представлена в виде обзоров литературы: одна – о русских работах, посвященных «мегарским» чашам, две другие – об изучении краснолаковой керамики восточного производства соответственно в России и за рубежом. Затем следуют шесть сообщений об отдельных находках или частных вопросах, связанных с этими типами керамики. Завершают сборник две статьи, содержащие анализ чернолаковых и краснолаковых покрытий.

Среди вводных статей выделяется работа Д.В. Журавлева (с. 31–51), которую сам он скромно называет «кратким обзором отечественной литературы по проблеме краснолаковой керамики Северного Причерноморья римского времени». Действительно, в статье дается обзор литературы, но не только: в ней есть и нечто большее. Автор начинает с разбора исследований Т.Н. Книпович о краснолаковой керамике Ольвии из собрания Эрмитажа (1929) и о краснолаковой керамике из раскопок Мирмекия и Тиритаки (1952), где материал сильно фрагментирован и происходит по большей части не из закрытых комплексов. Первая из этих работ остается наиболее известной за пределами России, в то время как выводы другой (выполненной в той же манере с внесением некоторых исправлений) по сей день служат основой для последующих исследований краснолаковой керамики Северного Причерноморья, в том что касается хронологии и определения производственных центров. Порой положения Т.Н. Книпович принимаются некритически: например, критерием для датировки по-прежнему служит характер лакового покрытия (его хорошее качество и то, что оно покрывает весь сосуд полностью, будто бы говорят в пользу большей древности), несмотря на очевидные свидетельства обратного. Плодотворным направлением исследования стало изучение материала, рассматриваемого (к сожалению, нередко без достаточных оснований) как керамика местного производства. Таким образом, в результате работ Т.Н. Книпович и последующих исследований сложилась общая картина, которая предполагает присутствие в редких случаях итальянской, еще реже – галльской керамики, в более значительных объемах – импорта из Самоса, Пергама и малоазийских центров, не поддающихся более точному определению, а также керамики местного северопричерноморского производства. Схема эта устарела, и ушедшие далеко вперед исследования в других местах показали иное и более сложное распределение различных типов краснолаковой керамики.

Во второй части своей статьи Д.В. Журавлев предпринимает разбор имеющегося материала в соответствии со схемой, в большей степени отвечающей общепринятым международным правилам. При учете опубликованного и неопубликованного материала оказывается, что итальянская сигиллата встречается чаще, чем полагали прежде, тогда как количество засвидетельствованной галльской сигиллаты (из какой части Галлии, не уточняется), пожалуй, может в будущем несколько увеличиться, но вряд ли когда-нибудь станет значительным. Отмечается также присутствие изделий паннонских мастерских в Закарпатской Украине, где они оказываются за рамками рассматриваемой темы, поскольку наверняка свидетельствуют скорее о сообщении с дунайскими провинциями, нежели о черноморской торговле. Восточная сигиллата А поступала в северопричерноморские центры в ограниченных количествах. Напротив, восточная сигиллата В составляет здесь одну из самых значительных групп. Похоже, до сих пор существует неопределенность относительно того, какую именно керамику можно связывать с Пергамом, тогда как восточная сигиллата С (связываемая с мастерской Чандарли) во II–III вв. распространена в Северном Причерноморье повсеместно, – возможно, было бы лучше рас-

смагивать экспорт Пергама и его территории вместе. Книдские рельефные сосуды, попавшие сюда несомненно из-за покрывающего их красного лака, на археологических памятниках Северного Причерноморья не редкость, хотя зачастую не опубликованы. Обзор классов керамики Д.В. Журавлев завершает некоторыми изображениями по поводу понтийской сигиллаты: он констатирует, что в подавляющем большинстве случаев краснолаковая столовая посуда Северного Причерноморья не находит аналогий за пределами Понта, и отмечает основополагающее значение классификации, намеченной Дж. Хейсом, пусть даже типологический репертуар ею и не исчерпывается. Однако речь идет о неоднородной группе, которая в дальнейшем будет подразделяться на ряд других. Уже теперь можно выделить продукцию некоторых производственных центров в Мезии (Бутово, Павликены, Хотнице), которая встречается среди массы образцов сигиллаты, обнаруженной в Северном Причерноморье. Можно говорить и о боспорской и херсонесской группах краснолаковой керамики, имевших локальное распространение. 32 характерных аэпиграфных клейма, по большей части *in planta pedis*, обнаруженных на тарелках понтийской сигиллаты из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму, изученного тем же Д.В. Журавлевым, приводятся в табл. 4.

В третьей части этой вводной статьи Д.В. Журавлев представляет основные археологические памятники или географические области, приводя данные о раскопках и основную библиографию находок краснолаковой керамики. При этом он двигается более или менее с запада на восток: от Ольвии, через низовья Днестра и Днепра, Херсонес и Крым – до Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. В конце упоминаются некоторые находки с Кавказа и из Молдавии. Таким образом, речь идет как о древнегреческих колониях, так и о местных сарматских и скифских памятниках. Среди иллюстративного материала к этой части стоит отметить чашу с рельефным декором из Тиритаки (табл. 6.1): она скорее всего коринфская или во всяком случае выполнена в данной традиции, при том что в рецензируемой работе эта группа не рассматривается. Завершается статья упоминанием нескольких исследований, посвященных отдельным темам (например, граффити), и рядом соображений о перспективах изучения сигиллаты в России и Украине. В числе высказанных *desiderata* – публикация краснолаковой керамики (особенно из закрытых комплексов), создание некоего свода основных типов керамики и каталога клейм и прежде всего выделение различных местных групп сигиллаты (в том числе и с помощью естественных наук).

Статья К. Домжалского (с. 17–30) об истории изучения сигиллаты восточного производства вне России содержит главным образом информацию уже известную или во всяком случае более доступную для западного читателя в другом месте. Тем не менее занимающий более четырех страниц список библиографии (на западноевропейских языках) вполне может пригодиться. Заканчивается статья замечаниями о том, как западные работы воспринимались российскими учеными. Исследования о керамике эпохи Ранней империи оказались неизвестны почти полностью, тогда как работы о продукции позднеимперского времени, и прежде всего книга Дж. Хейса, использовались неправильно: так, русские исследователи со времен работы Т.Н. Книпович 1929 г. и почти до наших дней не обращали внимания на различия между определенными составами глины и характером лаковых покрытий, что приводило их к ошибочным отождествлениям (например, понтийских мисок с африканскими типа *Hayes 62 B*).

С.А. Коваленко строит свое сообщение об истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России (с. 9–16) в чисто хронологическом порядке. Начинается оно с первых заметок о соответствующих находках до 1917 г., содержащих главным образом в сообщениях о раскопках. После второй мировой войны были определены параметры визуальной атрибуции групп керамики различного происхождения (параллельно с работами на эту тему, разворачивавшимися в Греции и Малой Азии): крупнейшими представителями этого этапа были Т.Н. Книпович и В.Д. Блаватский. Первые более специальные работы восходят к 1960–1970-м годам и связаны с именами сначала И.Г. Шургая, Е.И. Леви и Д.Б. Шелова, а затем М. Парович-Пешикан и О.Н. Усачевой. Опубликовав закрытые комплексы, они выработали основы хронологии и исследовали структуру импорта, подчеркнув особое значение группы керамики, традиционно относившейся к Делосу (предложенная М. Парович-Пешикан атрибуция части этой продукции местным мастерским отвергнута) и показав транзитную роль Фанагории и Пантикапея, через которые снабжались такие поселения, как Кепы и Танаис. Исследования конца 1970-х – начала 1980-х годов демонстрируют преобладание на скифских памятниках Центрального и Северо-Западного Крыма рельефной керамики так называемой делосской группы и наличие там пергамской продукции. В 1980-е годы работы В.А. Горончаровского поставили на более надежную основу изучение керамики этой последней группы и путей ее проникновения в северопонтийский регион. К сожалению, новые представления о географическом и хронологическом распределении рельефной керамики, выработанные

в 1970–1980-е годы учеными за рубежом России, в российских работах находят отражение с опозданием, и несмотря на то, что сам С.А. Коваленко в конце 1980-х годов использовал их и при публикации закрытых комплексов, и в статьях по общим вопросам, для работ 1990-х годов, увы, все так же характерно принятие традиционной, восходящей к 1960–1970-м годам точки зрения, согласно которой «мегарские» чаши, найденные в Северном Причерноморье, происходят из делосских мастерских и датируются II в. до н.э. С.А. Коваленко указывает, что имеется очень немного материала последней четверти III в. до н.э. из Аттики и других производственных центров, а огромное его большинство относится к периоду II и I вв. до н.э.

К числу наиболее интересных сюжетов археологии Северного Причерноморья принадлежит проникновение средиземноморской культуры в среду местного населения – этой теме посвящены два сообщения о позднеэллинистической керамике в комплексах скифских археологических памятников. С.Ю. Внуков и С.А. Коваленко рассматривают (с. 61–76) «мегарские» чаши с городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. В большинстве случаев эти чаши происходят из скифских слоев, предшествовавших захвату этого региона полководцем царя Митридата Диофантом в конце II в. до н.э. Из 50 образцов (фрагментов и целых форм), отобранных как наиболее показательные в ряду почти 200 находок, большая часть, как и на других скифских памятниках, относится к ионийской группе. Представлены и некоторые другие производственные центры, например Пергам и Смирна, а также, возможно, Херсонес с группой керамики локального распространения. На основании общей характеристики комплекса авторы сообщения приходят к выводу о поставках керамики оптовыми партиями через единый транзитный торговый пункт, которым сначала могли быть Ольвия или Керкинитида, а впоследствии, вероятно, Херсонес. Ю.П. Зайцев представляет (с. 52–60) каталог чернолаковой керамики интересного комплекса из слоя пожара Южного дворца Неаполя Скифского, причем слой этот хорошо датируется на основании родосских амфорных клейм серединой третьей четверти II в. до н.э. Этот материал заслуживает дальнейшего исследования: следует постараться определить центры производства и привести иллюстрации лучшего качества.

Сообщение В.А. Хршановского озаглавлено «Погребения I–II в. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата» (с. 77–87) и посвящено в основном вопросам изучения самого этого некрополя: древнее ли северный участок, чем южный, более удаленный от города? – похоже, так оно и есть; и принадлежат ли оба эти участка разным этнокультурным группам? – вопрос, на который ответить гораздо труднее, хотя различия и можно констатировать: на юге – погребальные сооружения, вырубленные в скале, на севере – грунтовые погребения; на юге встречаются черепа со следами прижизненной деформации, а в составе погребального инвентаря много оружия и сарматских зеркал, на севере эти элементы, за единственным исключением, отсутствуют. Все 16 представленных в сообщении могил, содержащих целые краснолаковые сосуды (всего 23 экземпляра), расположены на северном участке. Даже для тех, кто далек от проблематики Илурата, будет весьма полезно проследить сочетания этих сосудов с прочими находками. Речь везде идет о понтийской сигиллате, по определению Дж. Хейса (ссылка на его работу по этому поводу имеется, хотя типология его далее не используется). Описываемая краснолаковая керамика представлена по большей части чашками и мисками, но также и кувшинами (иногда типа ойнохов).

С.В. Дьячков приводит 13 клейм на краснолаковой керамике из недавних раскопок так называемой херсонесской «казармы» (с. 88–93), входящих в состав исключительно (с точки зрения этого памятника) богатого комплекса. Любопытно отметить, что в русском тексте и в английском резюме атрибуции фрагментов разнятся. Согласно последнему, 4 эпиграфных клейм стоят на фрагментах восточной сигиллаты В, а 9 анэпиграфных – на фрагментах понтийской сигиллаты. В русском тексте из четырех эпиграфных двустрочных клейм первое (Diodotas) и третье (Doron) относятся к восточной сигиллате В, тогда как второе (Nou... din?) принадлежит сосуду неизвестного центра производства (возможно, малоазийского), а для четвертого (Sokleida), оттиснутого на фрагменте сероглиняного сосуда, покрытого черным лаком, автор не рискует предлагать никакой атрибуции. Из анэпиграфных клейм (всё in planta pedis) в русском тексте возможную атрибуцию получает первое (восточная сигиллата В), указывается, что второе и третье оттиснуты на сосудах, традиционно называемых «пергамскими» (что скорее всего означает восточную сигиллату А), в то время как о происхождении остальных не говорится ничего (кроме того, что клейма №№ 4–8 могут принадлежать продукции одного центра). Девятое клеймо сохранилось на фрагменте сероглиняной тарелки, покрытой черным лаком.

В двух статьях, написанных одна – совместно Д.В. Журавлевым и М.Г. Безруковым (с. 107–109), другая – М.Г. Безруковым (с. 120–126), представлены первые результаты программы инструментального исследования и химического анализа лаковых покрытий серии из 52 образцов чернолаковой и краснолаковой керамики. Чернолаковые покрытия достаточно

стандартизированы, в отличие от краснолаковых. Представляется, что при этом могло бы оказаться полезным более точное археологическое определение образцов: некоторые фрагменты обозначены, например, как понтийская сигиллата, арретинская, ESB, но для многих указано лишь: terra sigillata. Тем не менее представляет интерес подразделение краснолаковых покрытий на три технологических типа: 1) красные лаки, генетически связанные с черными, подобные черным лакам по структуре (с количеством стеклофазы свыше 50%), но отличающиеся красным цветом с бурыми и черными оттенками; 2) «классические» красные лаки различных оттенков, с количеством стеклофазы от 30 до 50%; 3) светло-красные ангобы пестрой микроструктуры, с количеством стеклофазы менее 20%.

Наконец, в сборнике помещены две статьи, связанные скорее с проблемами иконографии, чем с собственно керамикой. Н.П. Сорокина (с. 94–97) рассматривает граффити на краснолаковом блюде из Кеп (изготовленном, видимо, на Боспоре и датированном II–I в. до н.э.) и находит в изображениях лошадей, всадника и собаки свидетельство присутствия негреческого элемента в составе населения города (возможно, подразделения тяжеловооруженной конницы). П.Д. Диатроптов исследует христианскую символику в штампованном декоре позднеримской краснолаковой керамики Боспора и Херсонеса (с. 98–106). Речь идет главным образом о сосудах типа Late Roman C (фокейская сигиллата), а также о нескольких экземплярах африканской сигиллаты. Во вступлении говорится, что большая часть штампов попадает на мисках формы Hayes 3, а меньшая – на Hayes 10, но в каждом отдельном случае соответствующие указания не приводятся. Для 30 крестов на фокейской сигиллате П.Д. Диатроптов предлагает новую типологию из 12 типов, многие из которых Дж. Хейсом не отмечены. И в то же время он ограничивается описанием изображенных на той же керамике животных, из которых Хейсу неизвестны (как мотивы для штампов) орел, лев и агнец.

Как нередко бывает со сборниками работ нескольких авторов, качество статей различно. Редактор мог бы позаботиться о большем единообразии: например, не все рисунки хорошего качества и воспроизведены в читаемом масштабе. Тем не менее работа в целом показывает ту кипучую деятельность, которая царит в настоящее время во многих разделах археологии Северного Причерноморья – от более точного определения найденного материала до исследования морской торговли и взаимодействия местного населения со средиземноморской традицией. Остается поздравить исследователей и пожелать им продолжения этой счастливой поры. Ясно, что данный сборник трудов обращен в первую очередь к российскому и украинскому читателю – это видно и по тому, что решили публиковать его на русском языке, и по содержанию некоторых статей, и по таким деталям, как отсутствие географической карты для локализации археологических памятников, известных на Западе не так хорошо, как в родной стране. Не посоветовать ли (может быть, самому редактору данного тома) подготовить работу обобщающего характера, с тем чтобы познакомить зарубежную публику со столь богатой областью исследований?*

Арчер Мартин

© 2002 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АЛАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ**

(По поводу книги: Т.А. Габеев. Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ: Ирстон, 1999. 148 с.)

Перед нами книга археолога, который немало (и, полагаю, с пользой для общего дела) потрудился на ниве аланской археологии, а в последние годы переключился на темы аланской истории, сменив вещественные источники на письменные. Расширение тематики исследований само по себе никогда не бывает излишним. Но выбирая новый предмет занятий, обычно знакомятся с его спецификой, чего в данном случае не произошло. Нынешняя монография, как и ряд предыдущих статей того же автора, свидетельствует о его непонимании задач и сути исторического исследования.

* Перевод Н.А. Селунской при участии Е.В. Ляпустиной.

**Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 01-01-41001а/Ю.